

«Золотой век» деревни Мегион

Стоят на земле города и села сотни лет. Есть старинные села, старше городов, есть совсем молодые города, есть деревни, переросшие в города, как наш Мегион. У каждого – своя судьба: годы зарождения, развития, упадка или процветания...

Давно ли Мегион был деревней? В 60-е годы, с приходом геологии, он стал рабочим поселком, а вскоре приобрел статус города нефтяников. На это ушло всего два десятка лет.

Но в черте города и сейчас существует настоящая деревня, где люди живут прежним укладом сельского жителя со своим подворьем, в котором можно увидеть и коров, и лошадей, и другую живность. Где хозяев по весенним утратам будит пение петухов и скворцов, где дети ухаживают за животными и знакомы с ними не по картинке или экрану телевизора.

Так жили люди еще полвека назад и они не очень-то рады большим переменам, а точнее, проблемам последних десятилетий пришедшей вдруг цивилизации. Это становится особенно ясно в общении со старожилами. Об одной странице истории Мегиона и округа, а они неразрывно связаны, мне хочется рассказать особо. И вот почему!

В послеперестроечные годы, когда людям «открыли глаза» на наше неразумное недавнее прошлое с его идеалами, когда сменили, а точнее, навязали новые ценности (раньше они назывались родимыми пятнами капитализма), очень просто ушло в тень и то доброе, прекрасное, что было создано государством для народа.

Часто проскальзывает в прессе, по радио, телевидению в бойких репортажах упоминание о дикости края до прихода «большой нефти». А был ли край, в том числе и наш Мегион, «диким»? Разумеется, речь идет не о дикости первозданной природы.

Не с известной ли фразы В.И. Ленина о крае, столь часто цитируемой в прошлом, прижился этот штамп: «На огромных просторах Сибири за Уралом существует полудикость и полная дикость!»?

Не умаляем ли мы заслуги государства, сделавшего отнюдь немало для жизни людей нашего северного края? Не умаляем ли мы заслуги наших отцов, дедов, тех людей, которые по своей и не по своей воле однажды попали сюда, навсегда полюбили этот край, топором и плугом отвоевали место жизни, принесли на эту землю культуру земледелия, животноводства и многое другое, что стало столь привычным в нашей повседневной жизни?

Разведка недр Приобья началась в 50-е годы, открытие месторождений нефти пришлось на 60-е, следом появились нефтяники. На какую они ступили землю, каким предстал перед ними край, на что было ориентировано хозяйство, какие отрасли были более преимущественными, как жили люди, что делалось правительством, руководящей партией для жизни, быта, культуры северян?

К заслуге экономической политики прошлых лет относится многое. По всему Северу, начиная с 30-х годов, создавалась сеть государственных рыболовецких артелей (ГОСЛОВ) со всей необходимой инфраструктурой. То есть, были выстроены рыбоприемные пункты, засолочные цеха, склады для хранения соли, морозильные здания-хранилища, куда зимой свозились сотни кубометров льда. Эти цеха не требовали электроэнергии – использовались природные материалы: лед и соль. Соль доставлялась на баржах грузовыми пароходами. Соединяя ее со льдом, добывались отрицательной температуры, до -25 градусов С.

В наиболее крупных поселениях, таких, как Александрово, Сургут, Ханты-Мансийск, работали рыбоконсервные заводы. В каждом населенном пункте были созданы коллективные хозяйства и рыбартели, кроме того, как правило, при колхозах существовали свои рыболовецкие звенья. Рыбу заготавливали не только по договору для сдачи государству, но и для внутрихозяйственных нужд: для откорма животных, для звероферм. Почти в каждой деревне была создана звероферма по выращиванию серебристых бурых лисиц, песцов. На эти работы принималось коренное население. Повсеместно шла переориентация труда охотников, рыбаков на новые формы ведения хозяйства.

Люди не чувствовали ущербности, они были защищены заботой государства. Во вновь созданные колхозы уполномоченные Министерства сельского хозяйства доставляли с южных районов племенной скот. В эти же колхозы направлялись и специалисты: животноводы, зоотехники, ветеринары, агрономы. В один из таких колхозов по реке Вах по направлению попала и наша семья

Шлябиных. Именно в те годы по всему Приобью росли и строились деревни, увеличивалось население, возводились новые школы, интернаты, клубы, библиотеки.

Некоторые колхозы, ориентированные на молочное животноводство, не всегда были прибыльными, и, тем не менее, государство гасило их долги, и госбанк давал новую ссуду. Капризы природы: наводнения, проливные дожди – часто мешали справиться вовремя с заготовкой кормов или уборкой урожая. Думается, многим дачникам в наше время знакомы эти проблемы. Сельхозмеханизация шагнула на Север. Колхозы снабжались инвентарем, рассчитанным на тяговую силу, то есть на лошадей, а это и плуги, и бороны, и сеялки, и картофелесажалки, и конные грабли, и косилки. В конце 50-х в деревнях стали появляться трактора. Косы люди применяли разве что на своем покосе.

В домах многих деревень уже в 50-е годы горел электрический свет от дизельных электростанций. Старые радиоприемники, питающиеся от батарей на 12 В, такие, как «Родина», «Искра», «Балтика», были сменены радиоприемниками на 127 и 220 В. Патефоны к 60-м годам заняли место на чердаках. Поселки, как правило, были радиофицированы от центрального радиоузла. В центре поселка на столбе высоко висел громкоговоритель, и день начинался с громкой музыки Государственного гимна. Жители Севера ничуть не были оторваны от жизни страны, от ее новостей, событий – они были ее участниками и строителями.

В каждом поселке работала почта, существовала радиосвязь, можно было заказать переговоры с абонентом любого города страны. Почтовые отделения имели свои катера. В районных центрах работали типографии, насущные проблемы выносились на полосы местных газет. Журналы, периодические издания доставлялись регулярно и с завидной аккуратностью. Любимые журналы населения, такие, как «Огонек», «Смена», «Наука и жизнь», «Крестьянка» и «Крокодил», лежали на столах в фойе клубов и в залах библиотек.

Водный транспорт, а это с десятков пароходов, теплоходов, речных трамваев, обеспечивал за 2-3 суток доставку пассажиров до Томска, Новосибирска, Тюмени, где можно было воспользоваться железнодорожным транспортом. В каждой деревне стоял плавучий водный вокзал – дебаркадер.

Разумеется, в те годы в Приобье еще не были построены шоссейные и железные дороги, зимой существовал, как и в прошлые столетия, санный путь, где использовались лошади, а также олени. Санный путь – «веревочка» – зимой, летом – водный, кое-где авиация обеспечивали тому немногочисленному населению (до 1960 г. – 1 человек на 1 км) передвижение и связь. Кроме всего, в Сургуте базировалась санавиация по экстренным случаям, способная доставить больного по вызову из любого уголка округа в районную больницу. А если того требовал случай – переправить в областную клинику. Небольшие самолеты АН-2 зимой оборудовались лыжами, летом – гидропоплавками, это давало возможность при отсутствии аэродромов сесть в любой уголок округа.

В каждом селении работал акушерско-фельдшерский пункт, в районных больницах были оборудованы хирургические отделения. Активно велась работа по государственной программе борьбы с рахитом и туберкулезом. По малым речкам к местному населению, в удаленные уголки выезжали бригады специалистов, передвижные лаборатории на катерах, оборудованных рентгенкабинетами. Все было взято под контроль. Употребление витаминов, трескового рыбьего жира в детских садах, свежего коровьего молока и масла, прививки, занятия спортом с раннего возраста – все это вошло в жизнь. Это была лишь часть большой программы борьбы за здоровье человека. Вспышек эпидемий, повальных моров край больше не знал. Трахома, парша, оспа, тиф стали болезнями прошлого века.

Сфера школьного образования контролировалась районо. Из районного центра направлялись инспектора, проверявшие не только степень подготовки учителей, но и знания учеников. Довольно высокий уровень полученных знаний давал возможность многим выпускникам средних школ продолжать учебу в вузах, возвращаясь в родные села специалистами: врачами, учителями, инженерами. Дети коренных народов обучались бесплатно в интернатах. На содержание одного ребенка выделялось 47 рублей ежемесячно. После окончания школы аборигены могли продолжить учебу на льготных условиях в Ленинградском институте народов Севера, пединституте им. Герцена, находясь на государственном обеспечении.

Большое место отводилось развитию культуры. Районное управление киносетью, подчинявшееся Министерству культуры, было ответственно за демонстрацию фильмов. Система работала отлаженно и четко. Если новый фильм выходил на экраны страны (за этим можно было

следить по периодике «Советский экран»), то через полгода или год сибиряки могли видеть героев фильма на экранах сельских клубов. В отдаленные уголки края, где не было клубов, эти фильмы везли с установками-передвижками.

Северяне жили полноценной жизнью, творчески осваивая богатства края, а если и были какие-то лишения, щедрость природы восполняла их. Хорошо была отлажена работа лесничеств, использование лесных богатств, заготовка леса, сбор и прием ягод, грибов, орехов, пушнины. Сеть государственных охотничьих пушно-заготовительных организаций (ПОХ) обеспечивала трудозанятость коренных жителей Приобья.

Государственная программа по сохранению ценных видов животных и обогащению новыми позволила путем лицензионного отстрела и строгой охраны расширить ареал обитания лося, возродить численность соболя. В наши леса производился неоднократный выпуск партий этого ценного зверя. В начале 50-х годов фауна Приобья обогатилась акклиматизированной ондатрой. Зверек быстро размножился и через несколько лет стал промысловым видом. Приемная цена шкурки была 1 рубль 62 копейки (около 1,5 доллара). Позднее в Приобье была акклиматизирована американская норка.

Разговоры о дикости края дают ложное представление о людях и о культуре. Если говорить о культуре как о форме хозяйствования на земле и состоянии природы, то приведу пример. У Мегионского колхоза была своя деляна, где деревенский лесник С.Н. Герасимов отводил сельчанам лес на дрова или на постройку с соблюдением всех норм природопользования. При бескрайних просторах тайги отношение к лесу было бережным. Нарушил нормы – не сжег сучки, пенек оставил высоким – плати штраф. Да не штрафа боялись люди, другие понятия, другие ценности были у них. Традиции природопользования складывались веками. Бутить болото, делать лежневку из стволов кедра-кормильца – все это казалось бы дикостью. И вряд ли кто-то из жителей мог бы поверить в те годы, что через какие-то три десятка лет основу жизни – воду из реки – пить будет небезопасно.

Как и многие сибирские поселения, Мегион располагался на кромке тайги близ пойменных лугов, удобных для выпаса скота. Место с обилием озер, близостью реки было идеальным для расположения поселка. Несколько семей местных жителей – хантов из рода Кыкиных, Проломкиных, Сигельетовых и Пылиных – жили в подгорной части у реки. На нагорной же части в кедраче сформировалось еще две улицы. Русская часть населения пополнялась за счет приезжих ссыльных крестьян, репрессированных в 30-е годы, а в 40-е – за счет русских переселенцев с острова Смольного.

Завершилась коллективизация, новый уклад жизни давал всем жителям работу и уверенность в завтрашнем дне. Минули тяжелые года войны. Многие семьи лишились мужчин. В одной только семье Мериновых не вернулось с фронта четверо мужчин. Но жизнь постепенно входила в русло: строились дома, рождались дети.

Мы приехали в Мегион в 1961 году. Поразили устроенность жизни, порядок, чистота. Ровные улицы, под окнами – клумбы с георгинами, фиалками, космеей, астрами. Подсолнухи выглядывают из-за заборов, огороды – с ровными рядами картофеля, на навозных грядках – огурцы, тыквы. В подгорье – поля капусты, турнепса, луга, поросшие клевером и ромашками, стада коров, овец. Почти в каждом подворье у хозяев – свиньи, куры. Уток и гусей не держали, хватало дикой птицы. Весенне-осенняя охота давала возможность заготовить мясо птицы впрок: засолить, накоптить. О том, что мегионцы держали скот, напоминают названия островов: Конный, Овечий.

Жители отличались добродушием. Сибирская широкая натура – это не красное словцо, это черта характера людей, живущих среди щедрой природы. Честность, высокая нравственность – вот черты сибиряков. На домах, кроме общественных зданий, не было замков.

Моторные лодки со стационарными и подвесными моторами ЭЛ-6, ЭЛ-12, «Москва», «Стрела» стояли на берегу Меги. На вешалах, как и в национальных поселках хантов, рядом с обласами и лодками сохли невода, сети.

Чистые улицы заросли травой. Они принадлежали пешеходам и велосипедистам, а не машинам. Единственный автомобиль был у инвалида-фронтовика. Воду, хлеб из пекарни и прочие грузы возили на лошадях.

Нам, приехавшим из небольшой хантыйской деревни, Мегион показался просто необъятным. Ватагой деревенских мальчишек мы пропадали днями на рыбоприемном пункте, на краю деревни, за огородами семьи Седых. Из здания доносился запах рыбы, соли. Мы наблюдали, как работники

переносили из неводника улов рыбы, изредка перевешивая его на весах (в носилки помещалось ровно 50 кг). А.П. Седых заведовала приемкой, чисткой, засолкой. Интересно было наблюдать, как в огромные чаны рабочие закладывали лед, соль, рыбу. Влетнюю жару из-под крыши здания тянуло забытым зимним холодом.

А как здорово было видеть кузнеца за работой в кузнице, что стояла на яру вверх по Меге, в другом конце поселка! Деревенский кузнец П. Сысоев священнодействовал у горна, и металл принимал задуманную форму. Здесь шла наладка сельхозагрегатов, бригадир колхоза Ю.Н. Герасимов затачивал режущие полотна конных сенокосилок.

Когда надоедали игры в одном конце поселка, отправлялись на другой. Нагорная улица тянулась не менее 1-го км. Шли к школе, а точнее, к школьному приусадебному участку, где на хорошо удобренной земле произрастали всякие овощи, посаженные учениками Мегиона, а также интернатскими ребятами из окрестных деревень под руководством замечательного человека, учителя биологии А.В. Анисимовой. Школьную практику многие выпускники Мегиона проходили на этом участке. Были у школы и свои лошади, от школы ближе к кладбищу располагались обширные конюшни. А заведовал этим хозяйством школьный завхоз С.А. Седых.

Под горой, у Школьного озера, располагалось еще одно интересное место. Оно издавна привлекало внимание навесами, стеллажами, корытами, носилками, формами, ямами со свежесобранной глиной, штабелями просушенного серого необожженного кирпича. Это был кирпичный завод. И этим хозяйством занималась семья Седых – мастера непростого ремесла. «Сколько глины выбрали, перемесили, высушили, – вспоминала Анна Петровна Седых, – всем моим детям досталось, по всему Мегиону печи топились, – наш труд!».

Иногда отправлялись на рыбалку вверх по Меге. После того, как клев прекращался или ведерки были наполнены, шли поглядеть на звероферму. Она располагалась всегда поодаль от поселка, как говорила зверовод Р. Кыкина: «Чтобы лисы собачьего лая не пугались, чтобы люди не сглазили. Зверь – он чистый воздух любит». На бывшей площади зверофермы сейчас расположен магазин СУ-920.

Интересно было поглядеть в сельском магазине на товары: глаза разбегались от разнообразия. На прилавках лежали и мыло, и краски для полов, и ткани, и нитки для сетей, и приторно сладкие консервы от китайских друзей, мука, крупы, растительное масло, бочки сельди. Теперь, вспоминая, поражаюсь тем ценам; к примеру, в 1961 г. одноствольное ружье 16-го калибра стоило 17 руб., двухстволка – 48 руб. (с 1961 года 1 рубль равнялся 1 доллару).

Колхоз держал до четырехсот коров, на молококанке сепарировали молоко на сливки. Обрат шел на поило телятам, из сливок изготавливали масло. Мясо, молоко, масло, творог были свои, местного производства. В магазине люди брали самое необходимое из продуктов: хлеб, сахар, крупы, джемы, компоты. В огородах растили, также как и сейчас, все овощи.

Мне, десятилетнему мальчику, было интересно в любом уголке поселка. Везде размеренно шла работа, будь то пекарня или молококанка. За поселком начиналась тайга, кедровый лес рос сплошь до красивейшей речки Саймы. За грибами и ягодами люди редко ходили за Сайму, разве что на гари за брусникой да клюквой. Остального хватало поблизости. Даже свиньи мегионцев до снега часто откармливались на падалище кедровых шишек.

Но более всего привлекало деревенскую детвору крупное здание в центре поселка, построенное из бруса. На его стенке почти ежедневно появлялись киноафиши – это был сельский клуб. Кино показывали каждый день. Вечерний сеанс для взрослых – ежедневно, а детский – в субботу и воскресенье. Киномехаником был хант Василий Проломкин, закончивший курсы и приехавший в Мегион по направлению. Поистине это было «окно в мир». Перед сеансом шел киножурнал, где зрители видели героев хлопка, «королеву» полей – кукурузу, наших героев – космонавтов и добрых героев мультфильмов. То было время героев. А еще в клубах шли спектакли, концерты, устраивались танцы. В глубинку отправлялись специалисты, закончившие курсы культпросвета. Литературные вечера, спектакли – в те годы было какое-то повальное увлечение пьесами. В иной деревушке жителей было меньше, чем героев в пьесе. В зрительном зале места были пусты – все жители-артисты были на сцене. Вот уж стопроцентное участие в самодеятельности! Многие ребята на лето уезжали в пионерские лагеря. Деревенская ребятня в свободное время от помощи родителям по хозяйству, от прополки огородов, покосов проводила лето у реки. А это и рыбалка, и купание. Купаться чаще шли не на реку, а на Школьное озеро к плотине, где на мелководье вода всегда

теплее.

Эта плотина – маленький, но существенный штрих к картине Мегиона, передающий ту атмосферу порядочности и коллективизма жителей.

Почти каждую весну (в половодье) в Мегионе топило подгорную часть, и лишь неширокая грива с огородами от Седых до Гордеева оставалась вне паводка. Большую часть огородов, а также колхозного поля подтопляло Школьное озеро, а точнее, протока, соединенная с Обью в районе современных баков ГСМ геологии.

Вот тогда-то мегионтцы на сходе решили отгородиться от паводков дамбой: По прикидке насыпь должна была отгородить поля, огороды на расстоянии около 1 км. Подсчитали число жителей поселка, распределили на каждую семью объем грунта, который необходимо засыпать. Насыпь должна быть не менее 1,5-2 м высотой и шириной до 2 м. На каждого человека приходилось соорудить насыпь до 4-х м в длину. Грунт жители брали рядом. Землю перекидывали лопатами, переносили носилками, тачками, перевозили лошадьми на телегах. Работали все жители: и те, кто страдал от наводнений, и те, кто жил на горе, кого эта беда не касалась. С землей приходилось возиться после работы или в выходные дни.

И одолели коллективным трудом намеченное. Дамба многие годы защищала посевы от наводнения. Она проходила под прямым углом от колхозного взвоза по подгорью в сторону современной Южной котельной и далее на юг до реки Меги. В наше время, когда гремят трактора, проносятся мощные машины, такая работа кажется обычным делом, но в то время перевернуть руками тысячи тонн земли (по подсчетам – около 30 тысяч тонн) могли люди большой нравственной силы.

Старожил Т.П. Петрович (Сысоева), участница этих воскресников, сказала: «А ведь люди раньше как-то интереснее были, честнее – это точно, и добрее, и порядочнее. Работать – так работать, гулять – так гулять, а сейчас от телевизора не оторвешь! Кажется, не мы туда – в ящик – смотрим, а на нас оттуда. С нашим народом теперь ничего путного не сделаешь, да разве соберешь людей сейчас на такое дело?!» и бабка Тася, крепкая на словцо, завернула такое... «С тем народом хоть горы вороти! То ли мы молодые были, сильные, или время такое золотое было, – продолжала бабка Тася, – а дамбу нашу в 63-м году разрушили трактора геологии, аэродром делали под горой. С тех пор грязь месим, нет на нашей улице праздника, а ведь с нее Мегион начинался. И сходить к мэру попросить десяток лишних машин песка некому. От говорящего ящика не оторвешь, все смотрят, как стреляют, взрывают, веселятся... Другой стал народ! А жизнь пошла совсем не веселая...».

Д. ШЛЯБИН